

Д. Ф. Файзуллина

(Казань)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Статья посвящена анализу женских головных уборов ананьинской культурно-исторической области Волго-Камья XI—VI вв. до н. э. Женский головной убор являлся маркером половозрастного и социального статуса женщины. Выделено три типа головных уборов: головные повязки, круглые шапочки и конусовидные головные уборы, которые изготавливались из кожи, ткани, луба и бересты, возможно, волока, и украшались металлическими элементами, бисером, бусами

Ключевые слова: Луговской могильник, ананьинская культура, финно-угры, составной венчик.

Головной убор являлся в традиционном обществе одним из самых значимых элементов костюма. Особенно высоким семиотическим статусом по данным этнографии обладал женский головной убор, так как он являлся маркером половозрастного и социального статуса женщины [Материальная культура, 1989, с. 103—106]. Судя по имеющимся археологическим и изобразительным источникам, в эпоху раннего железного века народы Северной Евразии имели свои достаточно сложные («башнеобразные») головные уборы пазырыкцев и скифов Причерноморья [Полосьмак, 2001, с. 143—163]) и ярко индивидуальные типы головных уборов. Н.И. Гаген-Торн отмечала: «высокий, тяжелый и твердый женский головной убор, вроде покрытого монетами кожаного «хушпу» у чувашей или удмуртского «айшона» не мог создаваться ни из каких рациональных или производственных соображений. Трудно объяснить их и бессмысленной модой. Убор этот вырос как символ определенной идеологии: это знак, указывающий на социальное положение и роль его носительницы. Так как вся идеология родового и феодального общества пронизана системой различных верований и попыток воздействия

при их помощи на окружающий мир, эти стремления должны были найти свое отражение и в создании головного убора: он служит оберегом носительницы» [Гаген-Торн, 1960, с. 138].

На территории Волго-Камья в XI—VI вв. до н. э. (АКИО — ананьинская культурно-историческая область) головной убор — это, пожалуй, единственная часть костюма, поддающаяся реконструкции ввиду обилия находок металлических элементов и фрагментов органики в области головы погребенных. Естественно предположить, что головные уборы изготавливались из органических материалов. Свидетельством этому являются единичные находки полосок кожи, фрагментов кожаных шапочек и ремешков, ткани, войлока, берестяных основ, лубяных нитей. Наибольший интерес представляют находки остатков головных уборов из бересты и ткани из трех погребениях Луговского могильника (без металлических деталей). Металлические элементы головных уборов фиксируются примерно в 20 % погребений. Последнее вполне обосновано позволяет нам предположить, что головные уборы носила большая часть, если не все население АКИО.

Исследователи XIX — начала XX веков обращали внимание на «богатый» головной убор ананьинских женщин. М.Г. Худяков считал, что основным типом головного убора ананьинцев как для женщин, так и для мужчин, была «повязка из ремня с нашитой спереди круглой бронзовой бляхой» [Худяков, 1923, с. 101]. А.В. Збруева считала, что ананьинцы «носили головные уборы в виде башлыков, которые известны как у скифов европейской части нашей родины, так и у среднеазиатских саков. Эти головные уборы могли быть сделаны из материи или кожи и не иметь металлических или

костяных украшений» [Збруева, 1952, с. 75]. Для женских головных уборов А.В. Збруева выделяет следующие типы: 1) «тонкая полоса листовой бронзы, расширяющаяся к середине и суживающаяся к концам, охватывающая голову. На концах полосы находились небольшие отверстия, куда продевался шнур или ремешок, соединявший оба конца и завязывающийся на затылке»; 2) полоса материи, кожи «с нашитым рядом бронзовых бляшек, круглых или удлиненных»; 3) головные уборы из материи или кожи с отдельно прикрепленными бронзовыми бляшками и височными кольцами [Збруева, 1952, с. 79]. В последующее время составной венчик стал рассматриваться наряду с височными украшениями как один из культурно-определяющих элементов АКИО. В.С. Патрушевым на основе находок Старшего Ахмыловского могильника была дана типология составных венчиков и височных украшений головных уборов [Патрушев, 1984, с. 33—42].

Однако по этнографическим данным и материалам средневековых могильников головной убор представлял собой сложный комплекс, включающий до 8 элементов — венчик, налобник, шапочка, полотенчатое покрывало, височные украшения, челюстно-лицевые подвески, накосники, теменные шнуры [Мартьянов, 1976, с. 109]. Поэтому необходима комплексная реконструкция головного убора, учитывающая все составляющие его элементы, художественную композицию, семантику.

С точки зрения визуального художественного образа первостепенное значения для выделения типов головных уборов имеют их форма и элементы убора, акцентирующие на себе внимание. Исходя из этих основных положений в ананьинское время на основе археологического материала могильников и изобразительного материала выделяются три типа головных уборов: головные повязки, круглые шапочки и конусовидные головные уборы.

I тип головных уборов. С большой степенью достоверности фиксируется головной убор — повязка или головной убор «ленточного типа» (в литературе чаще используется термин «составной венчик», являющийся определением частного случая данного типа головного убора). Это шнурок, тесемка или полоска ткани либо кожи шириной до 4 см с продетыми или нашитыми металлическими элементами. Иногда встречается берестяная основа — обруч высотой до 3 см, являющийся жестким каркасом для повязки. Суть данного головного убора — в охватывании головы по линии: лоб — виски — затылок. Данный тип головного убора является, видимо, наиболее древним и распространенным в традиционных культурах, и выполняет как практическую (скрепляет волосы), так и магическую функции (повязка является защитным кругом, оберегающим голову). Можно выделить следующие разновидности повязок.

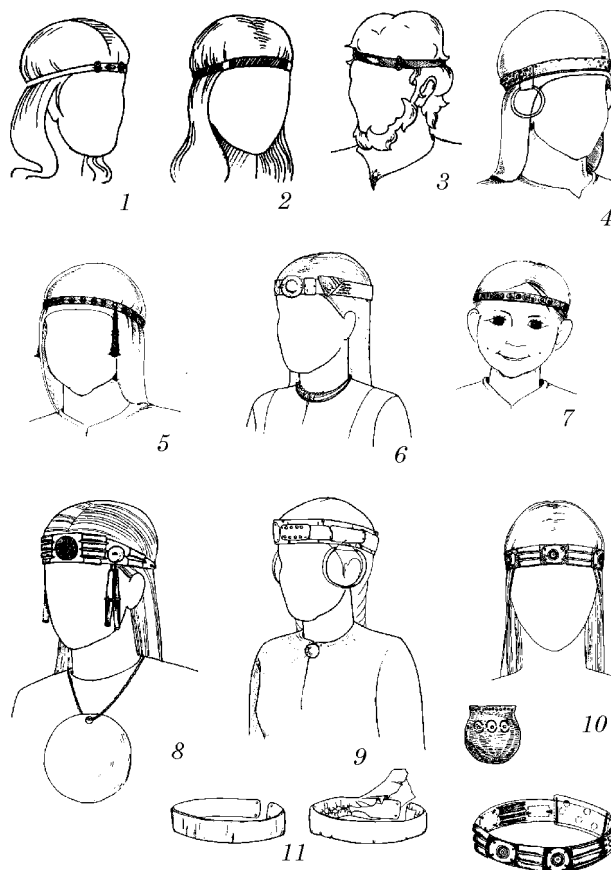

Рис. 1. Реконструкция головных уборов — повязок, составных венчиков: 1, 2 — погр. 85 Луговского могильника; 3 — погр. 149 Мурзихинского II могильника; 4 — венчик из сплошной бронзовой полосы, погр. 5 Морквашинского могильника; 5 — погр. 93 Тетюшского могильника; 6 — погр. 42 Морквашинского могильника; 7 — погр. 3 Морквашинского могильника; 8 — вариант реконструкции головного венчика из погр. 189 (ЖК) Тетюшского могильника; 9 — погр. 43 Морквашинского могильника; 10 — погр. 28 Мурзихинского IV могильника (керамический сосуд с орнаментом, перекликающимся с орнаментом пластин головного венчика; венчик, крепление элементов); 11 — возможный вариант крепления элементов составного венчика на берестяную основу

Первый вариант: простой кожаный или плетеный тканевый шнурок без каких-либо украшений либо с бронзовыми пронизями или скобковидными украшениями (рис. 1, 1—3). Так как пронизи и скобковидные украшения полностью охватывают тканевую и кожаную основу и ширина повязки четко фиксируется, мы можем реконструировать данный головной убор как повязку с очень большой степенью вероятности. Кожаные и тканые тесемки с металлическими пронизками, бусами, прикрепленными височными украшениями либо без всякого декора были, вероятно, наиболее простым и широко распространенным типом головных уборов населения Северной Евразии эпохи бронзы и раннего железного века [Мирошина, 1981, с. 67]. У ананьинцев данный тип повязок являлся общим для всех категорий населения.

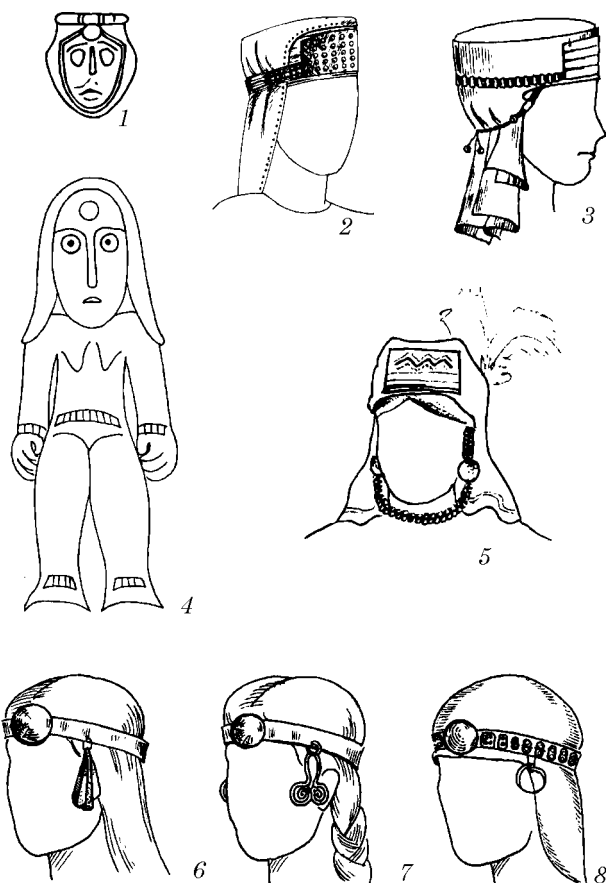

Рис. 2. Реконструкция головных уборов с акцентированным центральным элементом: 1 — прорисовка головы «владычицы зверей» с навершием из Александропольского кургана (по: [Степи европейской части..., 1989, табл. 34, рис. 8]); 2 — варианты реконструкции головного убора из погр. 22 Морквашинского могильника; 3 — вариант реконструкции головного убора из погр. 32 Мурзихинского II могильника; 4 — изображение богини на прорезной бляхе VI—VII вв. из Пермской области (по: [Оборин, Чагин, 1988, рис. 141 каталога]); 5 — головной убор эрзянки (по: [Белицер, 1972, табл. 1]); 6—8 — развитие маклашеевской традиции в композиционном строе головных уборов ананьинского и предананьинского времени (7 — ранний этап маклашеевской культуры, 8 — поздний этап маклашеевской культуры, 9 — постмаклашеевская культура АКИО)

Второй вариант: тканевая полоска или кожаный ремень с металлическими, стеклянными и др. нашивными элементами (рис. 1; 2). Это наиболее часто встречающийся вариант повязки в ананьинских погребениях, подробная археологическая типология «составных венчиков» дана В.С. Патрушевым [Патрушев, 1984, с. 33—42]. Учитывая особенности форм и функционального назначения некоторых типов венчиков, выделенных В.С. Патрушевым, хотелось бы уточнить ряд типов и проанализировать их с точки зрения композиционного строя.

Во-первых, часть повязок состоит из нашивных элементов одинаковой формы или одинаковой высоты, равномерно распределенных по всей окружности головы (рис. 1, 5, 7), ширина

же и края основы жестко не фиксируются. В ряде таких случаев можно предположить (как, например, в погр. 32 Мурзихинского IV могильника), что металлические элементы являлись расшивкой нижней части шапочки, а не повязки. Именно такой вариант головного убора — шапочка с нашитым по нижней части кожаным ремнем или просто расшивкой будет реконструироваться для азелинского времени.

Во-вторых, часть повязок имеют форму, сужающуюся по ширине к затылочной части, что предполагает наличие завязок на концах. Иногда встречаются пронизки в затылочной части повязки, которые, вероятно, украшали кожаные тесемки повязок. К этому типу венчиков относится и тип П-2 (по типологии В.С. Патрушева), который в большинстве случаев находится в погребениях в свернутом состоянии, и мы можем однозначно реконструировать его как головной убор — повязку. Данный тип отсутствует в постмаклашеевских могильниках и, вероятно, связан с аозинской, западной культурной традицией, либо является хронологически более поздним типом венчиков, так как он часто соседствует с шейными гривнами. Данный тип венчиков мог носить исключительный характер и маркировать какой-то особый возрастной и социальный статус женщины. В.С. Патрушев связывает его с «девичьими» частичными захоронениями» [Патрушев, 1984, с. 40] и датирует исключительно VII вв. до н. э. [Патрушев, 1984, с. 41]. Венчики типа П-2 ярко представлены в Старшем Ахмыловском и Аозинском могильниках, встречаются они в Козьмодемьянском могильнике. В могильниках постмаклашеевской культурной традиции данный тип венчиков не встречается. Наиболее близки к типу П-2 венчики из погр. 28 Мурзихинского IV могильника (рис. 1, 10) и ЖК 198 Тетюшского могильника (рис. 1, 8). В погребении 28 Мурзихинского IV могильника на голове молодой женщины находился венчик из трубчатых пронизок в два три ряда и разделяющих ряды подпрямоугольных накладок. Однако если состав и композиционный строй в целом совпадают с типом П-2 венчиков из Старшего Ахмыловского могильника, то довольно существенная деталь — подтреугольные накладки — окончания венчика — отсутствуют. В погребении 28 также находился костяк ребенка, поэтому головной убор женщины в данном случае может маркировать статус молодой матери. В ЖК 198 Тетюшского могильника головной венчик из четырех — трех рядов трубчатых пронизок и разделяющих круглых накладок сопровождался трубочками-подвесками и круглой нагрудной бляхой (зеркалом?). С типом П-2 переключаются ряды трубчатых пронизок.

По композиционному строю более всего данный тип венчика соответствует древностям балтов и прибалтийских финнов. Можно также предположить, что именно этот тип венчика

развился в форму головных венчиков средневековых поволжских финнов.

В-третьих, встречаются повязки (погр. 1 Мурзихинского I, погр. 32 Мурзихинского IV, погр. 22 Морквашинского, погр. 200 Старшего Ахмыловского могильников) с более крупной возвышающейся центральной частью — подпрямоугольной бронзовой пластиной (рис. 2, 2, 3). Такая форма головного убора предполагает какую-то жесткую основу из бересты, дерева, войлока или меха для вертикального расположения центрального элемента над лбом. Известно, что женщины Восточной Европы подкладывали «кудели для устройства небольшого возвышения на голове» [Маслова, 1984, с. 57]. Реконструируемая таким образом головная повязка напоминает головной убор типа сороки (рис. 2, 5), широко распространенный по этнографическим данным среди финно-угорского и славянского населения Волго-Камья [Гаген-Торн, 1960, с. 191—192]. Этнографы обычно связывают появление этого вида головного убора в финно-угорской среде Поволжья с влиянием славянского населения. Однако сам композиционный принцип возвышенной надлобной части головного убора, вероятно, уходит в глубокую древность. Возвышающиеся головные уборы в древности тесно связаны с идеей плодородия [Маслова, 1984, с. 58].

Как разновидности повязки выделяются собственно «венчики» (погр. 2, 5, 38 Морквашинского и погр. 2 Старшего Ахмыловского могильников) — это сплошные металлические полоски с отверстиями на концах для продевания шнура: гладкие, с чеканно-резным узором, ажурные (рис. 1, 4). Аналогичные венчики будут часто встречаться в последующее пьяноборское время [Генинг, 1963, с. 84, рис. 2]. Головной убор типа «кокошника», который отмечает А.В. Збруева в погр. 9 Гулькинском могильника, является, скорее всего, гривной серповидной формы, развивающей традиции маклашеевского времени. Подобные гривны фиксируются в Акозинском и Котловском могильниках.

Одиночные круглые и прямоугольные бляхи, крупные нашивные элементы (костяная бусина из погр. 12 Мурзихинского IV могильника, просверленный клык волка из погр. 45 Луговского могильника) могут являться как единственным украшением налобной повязки, так и, ввиду своей массивности, украшением шапок из плотных материалов. Чаще всего единичной бляхой украшалась мужской головной убор. М.Г. Худяков предполагал, что повязка с бляхой являлась «околышем» конусовидной мужской шапки [Худяков, 1923; Руденко, 2000, с. 101]. Традиции украшения одиночной налобной бляхой головного убора уходят корнями в маклашеевское время и связываются рядом ученых с началом формирования ананьинского «составного венчика». А.Х. Халиков отмечал, что в маклашеевский период «оформляются основные черты

налобных повязок» [Халиков, 1980, с. 49], и выделял уже несколько разновидностей таких повязок. Думается, о наличии налобных венчиков ананьинского типа в маклашеевской культуре говорить преждевременно. Так, в четырех погребениях зафиксированы одиночные круглые бляхи с ушком в области головы, причем, как в женских, так и в мужских. В одном случае, кроме бляхи на лбу, под черепом находились бронзовые накладки с тремя и двумя выпуклинами (Полянский II, погр. 3). «Венчик» из погребения 2 кургана 1 Маклашеевского III могильника является шейно-нагрудным украшением, так как данное украшение найдено было под челюстью и по составу полностью аналогично нагрудным украшениям из маклашеевских погребений Мурзихинского II могильника. На наличие у маклашеевцев головного убора, вероятно, в виде шапочки, указывают многочисленные находки пронизок, заклепок, а также окислов меди в районе темени, затылка, по обе стороны от черепа в 10—15 см. Традиций богатой расшивки металлическими элементами головных повязок в маклашеевской культуре, судя по всему, не было. Поэтому можно предположить, что в постмаклашеевской среде «богатый» составной венчик появляется, скорее всего, после контакта с иными культурами, вероятно, текстильного мира. На территории Волго-Камья в эпоху бронзы известна культура с богатой расшивкой головного убора — абашевская. Многие ученые считали, что именно тогда были «заложены некоторые основы тех своеобразных традиций в области элементов женского костюма, пережитки которых сохранились в течение последующих столетий» [Ефименко, 1961, с. 59]. Место формирования текстильного мира совпадает с распространением абашевских племен и отсюда возможно опосредованное их влияние. Однако эта концепция требует своей дальнейшей проверки и подтверждения. В.С. Патрушев также находит истоки ананьинских головных венчиков в абашевской и приказанской культурах, указывает он и на отдаленное сходство ананьинских венчиков с балановскими [Патрушев, 1984, с. 79].

Круглые одиночные бляхи и бляхи-накладки различных форм встречаются в качестве украшения головных уборов и в ананьинское время. Также обращают на себя внимание составные ананьинские венчики с крупной круглой бляхой в центре (рис. 2, 8). Думается, что такое визуальное акцентирование на центральном лобном элементе, также как и сама композиция головного убора с центральным элементом и височными украшениями, является прямым развитием именно маклашеевских традиций (рис. 2, 6—8).

По этнографическим данным у всех народов финно-угорской языковой семьи наличествовали головные уборы ленточного типа. У эстонцев девичьи повязки изготавливались из лент,

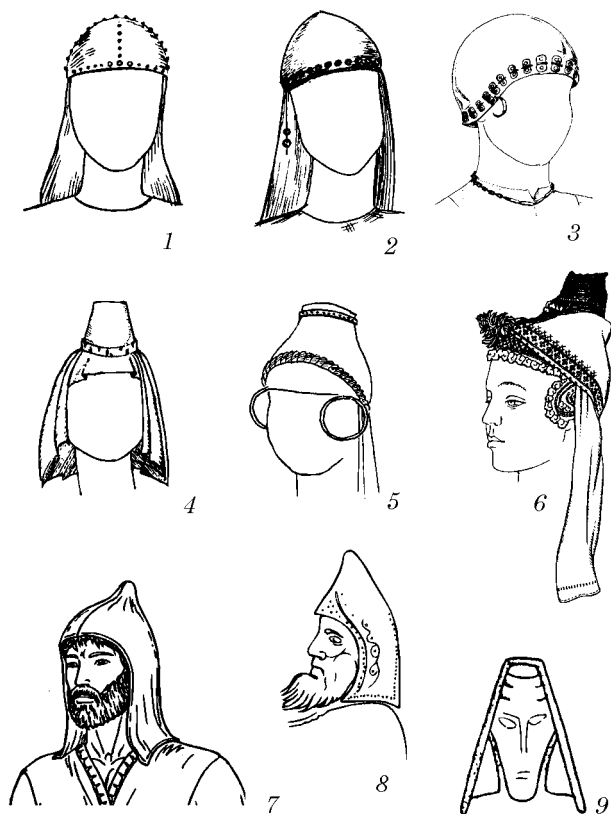

Рис. 3. Реконструкция шапочек и «конусообразных» головных уборов: 1 — погр. 195 Мурзихинского II могильника; 2 — погр. 37 Аозинского могильника; 3 — погр. 27 Морквашинского могильника; 4 — реконструкция головного убора из погр. 86 Луговского могильника; 5 — реконструкция головного убора из погр. 142 Безводнинского могильника (по: [Павлова, 2004, с. 331, рис. 70, 1]); 6 — головной убор замужней вожанки (по: [Древняя одежда..., 1986, с. 216, рис. 84а]); 7 — вариант реконструкции формы головного убора ананьинца; 8 — скифский колпак кульбовского типа (по: [Полосьмак, 2001, с. 306, табл. 19, рис. е]); 9 — прорисовка головного убора с идольчика из погр. 249 Старшего Ахмыловского могильника

шнуров, имелись обручи-венки на твердой и мягкой основе, налобники с завязками сзади [Историко-этнографический атлас..., 1986, с. 71]. Девушки-мордовки носили повязки, вышитые бисером, обручи из луба, венки из искусственных цветов [Современная этническая культура..., 2002, с. 16].

Венчики составлялись из различных металлических элементов, наиболее часто встречаемым составляющим элементом являются восьмерковидные накладки, на что обращал внимание еще М.Г. Худяков [Худяков, 1923, с. 101]. Наиболее типичной композицией для постмаклашеевцев является венчик из восьмерковидных накладок, центральной круглой бляхи и височных пластинчатых колец (рис. 2, 8). Причем восьмерковидные пластины встречаются в качестве головных украшений в детских погребениях, но там их количество небольшое, у взрослых женщин количество накладок в головном уборе возрастает. Это позволяет предпо-

лагать, что головной убор дополнялся по мере взросления девушки. А.Н. Павлова приводит сведения Д.К. Зеленина, что у мордвы головной убор «праскоря», состоявший из трубочек, а позднее цепочек, впервые одевался девочке в десять лет и состоял из двух рядов цепочек и трех соединительных бляшек; каждый год к нему прибавлялось по одному ряду цепочек и по одной бляшке [Павлова, 2004, с. 63]. О существовании головных уборов, маркирующих переход ананьинских женщин в качественно новый период жизни, говорят находки дополнительно положенных в погребения молодых женщин венчиков, отличающихся по типу от находящихся на голове погребенных. В Мурзихинском II могильнике «запасной» головной венчик из крупных пластинок сопровождал девушек 14—16, 18—20 и 20—25 лет.

II тип головных уборов. Головной убор в виде повязки мог носиться отдельно, но, скорее всего, повязка накладывалась на какую-то тканевую основу — шапочку из кожи, ткани, войлока или полотнячатое покрывало. По этнографическим данным нам известно, что у финно-угорского населения имелись головные уборы — покрывала [Гаген-Торн, 1960, с. 163]. Но на основе археологических материалов такой головной убор в ананьинской среде не фиксируется — мы ни разу не видим расшивку края полотнячатого головного убора, как это часто встречается, например, в скифских погребениях. По материалам погребения 195 Мурзихинского II могильника реконструируется круглая шапочка (рис. 3, 1), расшитая голубым бисером по передней части головы и в области темени. В отдельных погребениях Морквашинского (погр. 22) и Старшего Ахмыловского (погр. 332, 229) могильников также встречается многочисленный бисер в области головы погребенных, возможно, являвшийся расшивкой шапочек. А.Х. Халиков считал основой ананьинского женского головного убора именно шапочку: «Еще в приказанской среде вырабатываются детали и общая композиция женского головного убора, состоящего из шапочки и налобного венчика, собранного из отдельных медных бляшек» [Халиков, 1967, с. 28]. В андроновское время бытовали вязаные «крючком способом тамбурного вязания» шапочки с наушниками из пряжи, окрашенной в красный цвет корнями марены [Киселев, 1951, с. 80] и шапочки конической формы, расшитые бусами [Шевнина, 2002, с. 113].

У народов Волго-Камья по этнографическим данным были распространены девичьи «маленькие полусферические шапочки из холста, сплошь покрытого украшениями из бисера или монет» типа такья, тухья или тохья [Гаген-Торн, 1960, с. 152]. В погребении Мурзихинского II могильника шапочка принадлежала десятилетнему ребенку, в остальных случаях антропологические определения отсутствуют, но, возможно, расшитые бисером шапочки яв-

лялись детскими или подростковыми головными уборами у ананьинцев и имеют параллели с девичьими шапочками последующих веков на территории Волго-Камья. Вероятно, часть головных повязок надевалась на такого же типа простые холщовые шапочки без украшений. Головные уборы в виде круглых шапочек, расшитых мелкими пронизками, также широко встречаются среди древностей средневековых прибалтийских финнов и балтов [Древняя одежда..., 1986, с. 154—155].

III тип головных уборов. Мы имеем еще одну форму головного убора — конусовидную или усеченно-конусовидную. Данная форма реконструируется, прежде всего, по изображениям. На большой стеле из Ананьинского могильника, бронзовом идольчике из Ахмыловского могильника (погр. 249; рис. 3, 9), костяном псалии из Луговского могильника (погр. 82) и кочедыке из Половинного I селища антропоморфные фигуры изображены в конических головных уборах. А.В. Збруева включает костюм с Ананьинской стелы в «круг широко распространенной в то время одежды скифского типа» [Збруева, 1952, с. 75] и указывает на сходство «остроконечной шапки со спускающимися вниз концами» воина со стелы со скифскими башлыками. М.Г. Худяков обращает внимание на «явственно обозначенный ободок» по нижнему краю шапки и спускающиеся с висков «на плечи какие-то привески, прикрепленные к шапке наподобие кромок» [Худяков, 1923, с. 97—98]. Изображение головного убора на идольчике из 249 погребения Старшего Ахмыловского могильника определяется В.С. Патрушевым как «шапка-ушанка усеченно-конической формы» [Патрушев, 1984, с. 54]. Головной убор всадника на костяном псалии из Луговского могильника также явно конусообразной формы и, возможно, имеет затылочную лопасть. Однако вышеуказанные изображения сложно оценивать однозначно. Не ясно кто изображен на стеле — дух-покровитель, предок, вождь. Островерхий головной убор может связываться с сакральностью образа изображенного. Так, в финно-угорской мифологии изображениям мужских духов часто сопутствуют островерхие головные уборы. «Шаманские духи-помощники рисуются остроголовыми, летящими подобно птицам, в небесные пределы», — указывает А.В. Головнев [Головнев, 1995, с. 227]. Костюм «скифского образца» могла перенять только социальная верхушка ананьинского общества (воины-всадники, вожди), тогда как основная часть населения придерживалась традиционных форм одежды, отличающихся от изображенных на стеле. Изготовление же бронзовых идольчиков также имеет ярко выраженный сакральный характер. Тем не менее, островерхий головной убор типа колпака как удобный и простой в изготовлении «достаточно широко был распространен в древности у самых разных племен и народов» [Крыласова, 2001,

с. 42]. Находки остатков головных уборов в ряде курганов Северного Причерноморья «позволяют предполагать, что башлыкообразные головные уборы существовали у скифов и их ближайших соседей со времен архаики, причем, видимо, их носили не только мужчины, но и женщины» [Мирошина, 1981, с. 82—83].

Скифские мужские «башлыки» (рис. 3, 8) реконструируются двух типов — с заостренной верхушкой и лопастями (куль-обский тип) и мягкий, без боковых лопастей, со свисающей назад верхушкой, перевязанный лентой вокруг головы [Степи европейской части..., 1989, с. 109]. Делали башлыки из войлока или кожи, украшали бляшками. Следуя вышеприведенной типологии башлыков, ананьинский головной убор на стеле и на бронзовом идольчике из погребения 249 Старшего Ахмыловского могильника относились к первому типу с приостренным верхом. Однако на ананьинском башлыке нет лопастей — скорее всего, это завязки или височные украшения (предположение М.Г. Худякова), М.Г. Худяков так же полагал кожаную повязку поверх шапки на стеле из Ананьинского могильника. Таким образом, ананьинский башлык совмещает элементы первого и второго типа скифских башлыков и имеет свои особенности (рис. 3, 7).

Археологические материалы Луговского и Старшего Ахмыловского могильников подтверждают наличие каких-то приостренно-конусовидных или усеченно-конусовидных головных уборов, мягких либо на жесткой берестяной основе. В двух женских погребениях Луговского могильника (погр. 86 и 88) зафиксированы берестяные основы головных уборов в виде усеченных конусов диаметром 13 и 16 см у черепа, 9 и 8 см в верхней части и высотой 10 и 15 см [Корепанов, 2001, с. 88]. Тканые остатки возле головы еще одного погребенного из Луговского могильника (погр. 81) также дают нам очертания какого-то высокого приостренного головного убора. В погребении 479 Старшего Ахмыловском могильника находилась кожаная шапочка, расшитая трапециевидными накладками, составляющими усеченный конус [Патрушев, 1984, рис. 29]. Однако в старшеахмыловском погребении «головной убор» лежит перпендикулярно черепу, а составляющие его расшивку трапециевидные пластины идентичны пластинам из мужского погребения 16 Акозинского могильника. В Акозинском погребении накладки лежат на бедре погребенного и, вероятно, являются украшением сумки или подвески к поясу. По аналогии накладки из погребения 479 Старшего Ахмыловского могильника также можно отнести к украшениям сумочки.

Берестяные головные уборы из Луговского могильника реконструируются нами как небольшие берестяные колпачки усеченно-конической формы, покрытые тканью, закрепленной в свою очередь двумя венчиками-повязками у осно-

вания колпачка и по обхвату головы (рис. 3, 4). Прямым аналогом данного типа является головной убор из погр. 142 Безводнинского могильника [Краснов, 1990, с. 71] (рис. 3, 5). Ю.А. Краснов особо подчеркивает, что бронзовое кольцо диаметром 14 см, найденное выше жгута, обхватывающего голову, было скошено для «надевания на какую-то коническую поверхность» [Краснов, 1980, с. 42]. Идентичную форму имеют головные уборы замужних вожанок, чувшские «хушпу» второго типа [Гаген-Торн, 1960, с. 202]. По материалам чегандинской культуры реконструируются высокие берестяные головные уборы [Красноперов, 2006, с. 13]. Близки по композиции и строению марийские головные уборы «шымакш» [Гаген-Торн, 1960, с. 207], известен способ их крепления на голове: волосы укладываются в пучок на темени или надо лбом, на волосы плотно насаживается берестяной колпачок, а на него надевается тканевый головной убор [Гаген-Торн, 1960, с. 207]. Возможно, близкая форма прически существовала и в ананьинскую эпоху. На одной из сарматских фигурок изображен подобный головной убор — небольшой усеченный конус и, вероятно, надетый сверху длинный тканевый колпак со свисающим на затылок концом [Богданов, 1998, рис. 1, 3].

Женщины фатьяновской культуры эпохи бронзы носили «высокие головные уборы из кожи или шерстяной материи, украшенные нашитыми пронизками и подвесками из зубов и костей животных и раковин» [Крайнов, 1987, с. 80]. К сожалению, нет теоретических исследований о характере зависимости форм головных уборов от природно-географических и хозяйственных условий. Создается впечатление, что высокие (башнеобразные) головные уборы более свойственны, все же, степному кочевому населению. В лесной полосе головные уборы более обтекаемой и компактной формы (типа плотно облегающей шапочки) кажутся практичнее и целесообразнее.

Ритуальные женские конические головные уборы на жесткой основе известны на скифских изображениях и реконструируются по материалам скифских погребений. Многие этнографы связывают появление этого типа головных уборов финно-угорских народов исключительно со скифским влиянием. «С VII—VI вв. до н. э. определяющими становятся связи со скифским миром, к VI в. до н. э. из ананьинских комплексов и вовсе исчезают вещи, характеризующие связи с Кавказом, одновременно появляются и получают широкое распространение изделия, указывающие на оживленные связи с савроматским (ранним сарматским) миром» [Кореньюк, 1999, с. 75—76] — указывает С.Н. Кореньюк. Параллели в ананьинской и скифской одежде (по изображению со стелы) также позволяют нам обратиться к скифскому костюму и скифским головным уборам в поисках возможных аналогий.

Головные уборы скифянок (ритуальные, реконструируемые по материалам царских курганов) — это «калафы, тиары и конусовидные уборы — клобуки» [Степи европейской части..., 1989, с. 108]. Калаф — «цилиндрический спереди головной убор, сбоку имел дугообразный край, подробно кокошнику, с мягким закрытым верхом и затылком... Высота убора 9—16 см. На лбу всегда была метопида. Сзади на калаф набрасывали покрывало с золотыми бляшками. Основа калафа кожаная, закреплялась она на деревянном обруче, обхватывающем голову» [Степи европейской части..., 1989, с. 108]. Тиара описывается также как цилиндрический головной убор, но «с плоским твердым верхом и лопастями, доходящими до плеч». Высота тиары спереди 9—10 см, общая длина до плеч 25—28 см. Сверху на убор накидывали покрывало [Степи европейской части..., 1989, с. 108]. Тиару также дополняла метопида с височными подвесками. Третий тип «жестких» головным уборов — конусовидный клобук — имел вид шапки с «заостренным верхом, боковыми и задней лопастями, доходящими до плеч» [Степи европейской части..., 1989, с. 108]. Известны были у скифянок покрывала до пояса и до плеч, которые носились отдельно либо с жесткими головными уборами; золотые диадемы, «наиболее редкий социально значимый головной убор» [Степи европейской части..., 1989, с. 108].

Рядовое скифское население носило на лбу кожаные повязки, которые являлись, видимо, женским, мужским и детским самым простым головным убором. Скифские «детские головные уборы по форме были похожи на женские (конусовидные и башлыки), но украшались бусами» [Ключко, 1982, с. 52]. Таким образом, у скифов были распространены головные уборы, переключаясь по форме с ананьинскими. Метопида — вариант составного венчика на кожаной основе, к которому подвешивались височные украшения. Сходство ананьинских типов головных уборов со скифскими можно объяснить как влиянием последних на развитие головных уборов Волго-Камья, так и эпохальным характером форм головных уборов, общим для населения Евразии раннего железного века.

У народов Волго-Камья по этнографическим данным известны конусообразные головные уборы типа «айшона» у удмуртов, «шурки» мари и «панго» мордвы.

Вероятно существование у населения АКЮ головного убора типа капюшона. Возможно, именно в нем изображен человек на идолчике из погребения 240 Старшего Ахмыловского могильника. В погребении 241 Старшего Ахмыловского могильника венчик расположен по дуге над головой погребенной и концы венчика заканчиваются на уровне нижней части ушных раковин, причем на 5—7 см отстоят от черепа. Такое расположение можно объяснить сползанием венчика с головы, но более вероят-

ной версией является реконструкция его как расшивки края капюшона, покрывала или башлыкообразного головного убора.

В погребении 151 Старшего Ахмыловского могильника на черепе находилось два «венчика» — один проходил по лобной части и длина его ограничивается 25 см, что соответствует полуокружности от одной височной доли до другой, второй проходил по теменной части головы и спускался к вискам. В.С. Патрушев описывает данный головной убор как расшивку шапочки. Возможна реконструкция как составного головного убора из налобного венчика и капюшона или покрывала, или жесткого головного убора типа кокошника, где «венчики» расположены по верхнему и нижнему контуру «кокошника». Подобный головной убор реконструируется на материалах средневековых древностей поволжских финнов [Павлова, 2004, рис. 62, 2, 3; 67, 1; 71, 3; 90, 1] и этнографическим материалам. В погр. 67 Старшего Ахмыловского могильника фиксируются украшения в теменной области черепа погребенного выше основного налобного венчика. Это косвенно подтверждает наличие головного убора закрытого типа, а не ленточного. В таких случаях мы имеем дело либо с составными головными уборами — шапочка и венчик, капюшон и венчик, башлык и венчик; либо металлические элементы являются расшивкой нижней и верхней частей головного убора. Не исключено, что головной убор из погр. 67 Старшего Ахмыловского могильника является остатками головного убора типа «берестяных колпачков» из Луговского могильника.

Таким образом, у населения Волго-Камья XI—VI вв. до н. э. бытовали разнообразные по форме и сложные по составу головные уборы. Головные уборы изготавливались из кожи, ткани (там, где сохранилась ткань, она была окрашена в красный цвет), луба и бересты, возможно, войлока и украшались металлическими элементами, бисером, бусами, клыками животных. Общим видом головных уборов можно считать кожаный или тканевый шнурок-повязку без каких-либо украшений или с пронизками и обоймицами. Мужчины носили головные уборы типа башлыков конусообразной или усеченно-конусообразной формы, с завязками. В центральной части мужские головные уборы украшались отдельной, чаще круглой, бляхой. Возможно, повязка с бляхой надевалась поверх башлыка. Такая композиция ананьинского головного убора связывает его с традициями иранского мира [Яценко, 2002, с. 31]. Форма и размеры бляхи могли указывать на социальный статус. Прослеживается (по материалам Луговского могильника) существование разных типов мужских головных уборов в зависимости от принадлежности к разным группам воинского сословия.

Выделяются три типа женских головных уборов: головные повязки, круглые шапочки

и конусовидные головные уборы. Головные уборы, судя по всему, носило все женское население АКИО. Наиболее распространенным типом были головные венчики различного композиционного строя: из однородных крупных и мелких элементов, с акцентированным центром (в виде прямоугольной возвышающейся пластины или круглой бляхи), сужающиеся в затылочной части, из сплошной металлической полосы. Наиболее устойчивым и типичным для постмаклашеевцев является композиция из центральной бляхи, восьмерковидных накладок и пластинчатых височных колец, закрепленных на кожаной основе. Данная композиция развивает традиции маклашеевских головных уборов. Часть венчиков могла иметь жесткую основу из бересты.

Полусферические шапочки могли иметь возрастной характер или являться основой для венчиков, обшиваться бисером. Возможно, полусферическая шапочка носилась девочками, а в период совершеннолетия дополнялся венчиком.

Третьим типом головных уборов является головной убор в форме небольшого усеченного конуса, выполненный из бересты и ткани. Высокие берестяные головные уборы широко известны по этнографическому материалу финно-угорских народов Среднего Поволжья и, по всей видимости, имеют своим прототипом именно ананьинские формы, тем самым являясь продолжением единой линии развития. Жесткие берестяные головные уборы появляются, вероятно, под влиянием скифской культуры или продолжают традиции андроновского мира.

Головные украшения маклашеевской культуры представлены женскими очковидными подвесками, височными кольцами, общими для всех категорий населения, и подвесками «балымского» типа, продолжающими развитие андроновских традиций. Постмаклашеевские головные украшения включают височные пластинчатые кольца, многовитковые спирали с различным завершением, трубчатые подвески, теменные шнуры из шнурка, украшенного пронизками и с подвешенными к концам украшениями, накосники (реконструируются гипотетически) из шнурков с пронизками.

Богданов С.В. Идолы и амулеты сарматских погребений урало-казахстанских степей // Уфимский археологический вестник. — 1998. — Вып. 1. — С. 44—52.

Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). — Чебоксары, 1960.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III—V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. — Свердловск; Ижевск, 1963.

Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. — Екатеринбург, 1995.

Древняя одежда народов Восточной Европы. — М., 1986.

Ефименко П.П. Абашевская культура в Поволжье // МИА. — 1961. — № 97. — С. 43—110.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. — 1952. — № 30.

Историко-этнографический атлас Прибалтики. Одежда. — Рига, 1986.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири: моногр. — М., 1951.

Клочко Л.С. Скифские налобные украшения VI—III вв. до н. э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. — 1982. — С. 43—57.

Коренюк С.Н. Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: М-лы науч. конф. — 1999. — С. 68—78.

Корепанов К.И. Новые данные о погребальном обряде Луговского могильника // Древности Поволжья и Прикамья. — 2001. — С. 97—107.

Крайнов Р.А. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — 1987. — С. 58—75.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. — М., 1980.

Краснов Ю.А. Женская одежда по материалам Безводнинского могильника // КСИА. — 1990. — № 197. — С. 51—57.

Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II—V вв. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ижевск, 2006.

Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. — Пермь, 2001.

Мартынов В.Н. Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII—XI вв. // Материалы по археологии Мордовии. — 1976. — С. 88—106.

Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. — М., 1984.

Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. — М., 1989.

Мирошина Т.В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV—III вв. до н. э. // СА. — 1981. — № 4. — С. 46—69.

Павлова А.Н. Космогонические символы в древнем искусстве финно-угров Поволжья // Узловые проблемы современного финно-угроведения. — 1995. — С. 62—63.

Павлова А.Н. Семиотика костюма волжских финнов I — начала II тыс. н. э. — Йошкар-Ола, 2004.

Патрушев В.С. Марийский край VII—VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). — Йошкар-Ола, 1984.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока: моногр. — Новосибирск, 2001.

Руденко К.А. Остров Мурзиха и ее окрестности. — Казань, 2000.

Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. — Йошкар-Ола, 2002.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989.

Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. — 1980. — В 1-24.

Халиков А.Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. — 1967. — № 148. — С. 7—28.

Худяков М.Г. Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет: юбилейный сб. ст. — 1923. — С. 72—126.

Шевнина И.В. Опыт реконструкции женского погребального костюма по материалам могильника

эпохи бронзы Джаигильды // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. — 2002. — С. 113—118.

Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 2002.

Д. Ф. Ф а й з у л л и н а

РЕКОНСТРУКЦІЯ ГОЛОВНИХ УБОРІВ НАСЕЛЕННЯ ВОЛГО-КАМ'Я РАНЬОГО ЗАЛІЗНОГО ВІКУ

У населення Волго-Кам'я XI—VI ст. до н. е. побутували різноманітні за формою і прості за складом головні убори. Вони виготовлялися із шкіри, тканини, лубу і бересту, можливо, повсті і прикрашалися металевими елементами, бісером, намистом, іклами тварин. Чоловіки носили головні убори типу башликів конусоподібної або усічено-конусоподібної форми, з зав'язками.

Виділяються три типи жіночих головних уборів: головні пов'язки, круглі шапочки і конусоподібні головні убори. Найбільш поширеним типом були складені віночки різного композиційного ладу. Найбільш стійким і типовим є композиція з центральної бляхи, вісімковидних накладок і пластинчастих скроневих кілець, закріплених на шкіряній основі.

Вперше реконструюється головний убір у формі невеликого усіченого конуса, виконаний з берести і тканини (з поховання Луговського могильника). Високі берестяні головні убори широко відомі за етнографічним матеріалом фінно-угорських народів Середнього Поволжя і мають своїм прототипом саме ананьїнські форми, продовжуючи єдину лінію розвитку. Жорсткі берестяні головні убори з'являються, ймовірно, під впливом скіфської культури або продовжують традиції андронівського світу.

D. F. F a j z u l l i n a

RECONSTRUCTION OF VOLGO- KAMA REGION POPULATIONS HEADRESSES IN THE EARLY IRON AGE

The population of the Volga-Kama region of the XI—VI centuries BC had worn headwear differing by its form. It was primarily made of the leather and cloth and bark. It was also decorated by the metal elements, beads, animal tusks. Men used to wear headwear of conical or frusto-conical shape with laces.

There are distinguished three types of women headwear: leather head belts; round caps; conical shaped headwear. The most common type was composite aureole of different compositional structure. The most stable is the composition of the central plate, eight-like-shaped elements and plate temple rings, attached to a leather base.

The article presents for the first time reconstructed head-dress in the form of a small truncated cone, made of birch bark and cloth (Lugovskoi burial ground). High bark hats are commonly known by the ethnographic material on the Finno-Ugric peoples of the Middle Volga region. This headwear has its prototypes in Ananyino culture thus continuing a single line of development. Hard hats made of birch bark appear under the influence of Scythian culture or a tradition of Andron culture.